

Нагайбаки

(Крещенные татары Оренбургской губернии).

Очеркъ.

Между многочисленными инородцами, населяющими Оренбургскую губернію, обитають нагайбаки, крещенные татары.

Въ 1842 году, въ виду усиленія района по такъ назыв. новой линіи крѣпостей въ Оренбургскомъ краѣ, были переселены казаки 3-го и 5-го кантоновъ, въ количествѣ 2877 душъ мужского пола. Изъ нихъ первые нагайбаки, станицы Бакалинской и Нагайбацкой ¹⁾, въ числѣ 1250 человекъ, основали между старой и новой линіями поселки: Кассель, Остроленко, Ферлампенуазъ, Парижъ, Требій, Краснокаменскъ и позже Астафьевскій въ Верхнеуральскомъ уѣздѣ, Оренбургской губерніи.

Нагайбаки ²⁾ зачислены въ казаки на основаніи Высочайшаго указа, даннаго на имя статскаго совѣтника Кириллова, 11 февраля 1736 года. Между ними до сего времени сохранилось преданіе, что они потомки арскихъ татаръ, крещенныхъ Іоанномъ Грознымъ, будто бы насильно, по завоеваніи имъ Казани.

Между тѣмъ документъ, сообщенный намъ однимъ изъ нагайбаковъ, передаетъ объ этомъ такъ: «Казань взята царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ 1-го октября 1552 года, тогда и ногаи окрестились, записались въ подушный окладъ и переселились на свободныя башкирскія земли въ Уфимской губерніи, гдѣ нынѣ Мензелинскій и Белебеевскій уѣзды. А какъ новокрещенные претерпѣвали отъ воровъ-башкирцевъ многое раззорѣніе, во время башкирскаго бунта 1735—1740 г., и при многихъ баталіяхъ оказали себя ревностными воинами за что, по именному указу Государыни Императрицы Анны Іоановны, изъ ясака исключены и служивыми быть опредѣлены и Ея Императорскимъ Величествомъ пожалованы за ихъ усердную службу и за

¹⁾ Нынѣ два села Белебеевскаго уѣзда—Бакала и Нагайбакъ.

²⁾ Старикова, Откуда взялись казаки. 1884 г.

перенесенное развореніе отъ воровъ-башкирцевъ вмѣсто жалованья землею, съ тѣмъ, чтобы они поселились на оставшихся пустыми послѣ бунтовавшихъ башкиръ земляхъ и именовались бы нагайбацкими казаками и построили бы въ селѣ Бакалахъ и Нагайбакѣ двѣ деревянныя церкви на свое иждивеніе». Въ числѣ крестившихся нагайбаковъ были татарскіе мурзы, которые послѣ крещенія удалились въ теперешнюю Уфимскую губернію и поселились въ селѣ Бакалахъ и деревнѣ Нагайбакѣ¹⁾. Встарину на этомъ мѣстѣ жили нагаи, здѣсь же кочевалъ башкиръ Нагайбакъ, по имени котораго и самая деревня (юртъ) стала называться Нагайбацкой. Здѣсь же жили башкирскіе бунтовщики Кусюмъ и сынъ его Акай. Впослѣдствіи въ составъ нагайбаковъ вошли выходцы изъ киргизскаго плѣна, которые явились въ Оренбургъ, приняли крещеніе и затѣмъ были отправлены на жительство въ крѣпость Нагайбацкую и ея окрестности. Выходцы изъ киргизскаго плѣна, которые зачислялись въ составъ нагайбаковъ, принадлежали къ различнымъ племенамъ. Позже, въ царствованіе императрицы Екатерины II, сюда же были включены плѣнные турки, арабы (Агабашевъ—медвѣжья голова, Карабашевъ—черноголовый, Араповъ). Всѣ они слились впослѣдствіи съ нагайбаками и образовали какъ бы особое племя.

До 1736 г. нагайбаки платили ясакъ въ казну и особый оброкъ башкирамъ за земли, которыми они пользовались. Въ этомъ году статскій совѣтникъ Кирилловъ, управлявшій Оренбургскимъ краемъ, на основаніи вышеприведеннаго Высочайшаго указа, записалъ нагайбаковъ въ казаки и отъ высканія съ нихъ ясака освободилъ, а оброчныя земли отдалъ въ ихъ собственное владѣніе на 50 верстъ во всѣ стороны отъ ихъ мѣста жительства. Затѣмъ правительство обязало ихъ отправлять казачью службу наравнѣ съ прочими казаками Оренбургскаго края.

Всѣхъ нагайбаковъ въ вышеупомянутыхъ семи поселкахъ, по свѣдѣніямъ станичныхъ правленій, считается 5138 душъ обоого пола, изъ нихъ мужскаго 2551 и женскаго 2564.

Казачьи поселенія Оренбургскаго войска со времени своего образованія носили различныя наименованія. Первоначально они значились подъ «нумерами», позже они назывались выселками, хуторами. При введеніи общественнаго управленія въ войскѣ, когда были учреждены станичныя правленія и поселковыя, эти поселенія получили названія поселковыхъ.

Въ нагайбацкихъ поселкахъ можно встрѣтить и русскихъ, съ которыми нагайбаки живутъ въ согласіи. Сосѣдей же киргизовъ они не долюбиваютъ, хотя ѣздятъ къ нимъ пить кумысъ и ѣсть маханъ (мясо). Въ первыхъ сильно развито конокрадство, что немало препятствуетъ развитію здѣсь скотоводства.

¹⁾ Альметевы и Бектеевы ведутъ свой родъ отъ этихъ татарскихъ мурзъ.

Нагайбаки любятъ давать другъ другу прозвища. Фамиліи, какія они носятъ, произошли большею частью отъ татарскихъ именъ и названій, напр., Аптугановъ, Акиметевъ, Айдагуловъ, Альметевъ, Бектемировъ, Дюскинъ, Ишимовъ и т. д.

Нагайбакъ росту средняго, съ соразмѣрными частями тѣла, сложенія вѣрзкаго и къ физическому труду способенъ. Очертанія лицъ нагайбаковъ настолько разнообразны, что не представляютъ общаго типа; за малымъ исключеніемъ они напоминаютъ великоросса.

Жилище и его принадлежности. Дома нагайбаковъ деревянные, незатѣйливой архитектуры и по наружному виду довольно опрятны; состоятъ изъ двухъ комнатъ, раздѣленныхъ холодными сѣнями. Кухня выходитъ во дворъ; передъ сѣнями устраивается крытое крылечко, съ одной стороны котораго привѣшивается умывальникъ. Войдя въ кухню, вы увидите въ одномъ углу большую, глинобитную русскую печь, съ боку въ ней вмазывается чугунный котелъ (казанъ), въ которомъ варится ежедневная пища; противъ печи устраиваются нары (широкія скамейки), замѣняющія собой кровать. Въ дѣтнее время обѣдъ приготавливается на дворѣ, для чего гдѣ-нибудь подъ навѣсомъ устраивается печь съ казаномъ. Вдоль стѣны кухни тянутся широкія лавки, составляющія вмѣстѣ со скамьею и столомъ всю мебель кухни; впрочемъ у стѣны около печи помѣщается залавокъ, придѣланный къ стѣнѣ, это родъ стола, внутри котораго сдѣланы полки, гдѣ хранятся съѣстные припасы и посуда. На залавкѣ хозяйка приготовляетъ кушанья.

Горница во многомъ отличается отъ кухни: на стѣнахъ красуются различныя картинки, представляющія замѣчательныхъ бывшихъ и современныхъ военныхъ дѣятелей, портреты Государя Императора и Императрицы. Въ углу около двери помѣщается бѣлая, какъ снѣгъ, голландская печь съ карнизами. Если въ домѣ есть сноха, то постель ея со множествомъ пуховиковъ и подушекъ помѣщается въ этой же горницѣ. Между оконъ на стѣнѣ помѣщается небольшое зеркало, задрапированное вышитымъ полотенцемъ. Въ праздники или когда соберутся гости, горница представляетъ изъ себя какъ бы домашнюю выставку: по стѣнамъ развѣшиваются лучшія полотенца, вышитыя чернымъ и краснымъ шелками (вышивки свидѣтельствуютъ объ изящномъ вкусѣ и искусствѣ нагайбачекъ), вывѣшиваются также лучшія праздничныя одежды. Изъ иконъ особенно уважаемы Николая Чуд., Спасителя и Божіей Матери. Вообще въ домѣ нагайбаковъ царятъ чистота и аккуратность, въ противоположность другимъ инородцамъ, окружающимъ ихъ. Надворныхъ построекъ много. Скотъ во все время дня находится на «кардѣ», а вечеромъ пригоняется во дворъ.

Одежда мужчин нагайбаковъ не имѣетъ въ себѣ ничего характернаго; зимою въ праздничные дни носятъ овчинный, крытый сукномъ или другой матеріей, тулупъ съ чернымъ мерлушковымъ воротникомъ, а подъ нимъ короткое военное пальто (тужурка) или пиджакъ. На головѣ они носятъ чернымъ мерлушчатые шапки, на шеѣ пуховые шарфы. Обувь различная—по сезону: зимою надѣваютъ пимы, лѣтомъ сапоги, въ рабочее время лапти. Лѣтомъ богатые одѣваются въ военное казацке пальто изъ чернинецкаго сукна, а то изъ камлота. На голову надѣваютъ фуражку съ кокардой. Одежда женщинъ представляетъ нѣкоторыя особенности. Рубашки носятъ татарскаго покроя изъ краснаго или синяго холста собственнаго издѣлія. Къ подолу пришиваются двѣ цвѣтныя оборки. Поверхъ рубашки надѣвается «жиланъ», шелковый или шерстяной, это родъ камзола съ рукавами или безъ рукавовъ. Передникъ служитъ дополненіемъ всего туалета. Праздничныя рубашки шьютъ изъ ситцу. Дѣвушки на головѣ носятъ бѣлый колпакъ съ серебряной бахромой, ниспадающей до самыхъ бровей; впрочемъ, онъ уже выходитъ изъ употребленія и замѣняется обыкновеннымъ платкомъ. Вообще одежда нагайбачевъ утрачиваетъ постепенно свою самобытность, по той причинѣ, что нагайбаки смѣшаны съ русскими; тамъ же, гдѣ они живутъ особнякомъ, одежда сохранилась прежняя.

По выходѣ замужъ, женщина надѣваетъ «сурака», это нѣчто въ родѣ русскаго кокошника, сплошь вышитый золотомъ; поверхъ сурака надѣвается круглый вышитый платокъ съ бахромой. Одно время мѣстное начальство запрещало носить этотъ головной уборъ, находя его почему-то безобразнымъ, но со стороны нагайбачевъ послѣдовалъ резонный протестъ; болѣе упорныя старушки носятъ сурака и до сего времени. Остальная верхняя одежда нагайбачкиихъ женщинъ та же, что и у русскихъ. Изъ украшеній, кромѣ колець, серегъ ¹⁾ и браслетовъ, онѣ носятъ ожерелья и нагрудники, сплошь унизанные крупными серебряными монетами стараго чекана, а дѣвушки надѣваютъ еще чашь-кабы—это длинная лента, шириною въ два вершка, унизанная, какъ и нагрудникъ, монетами; она покрываетъ всю косу. Въ общемъ нарядъ этотъ довольно красивъ и оригиналенъ.

Пища нагайбаковъ какъ въ праздники, такъ и въ будни не отличается особенно отъ пищи русскихъ. Национальное же и самое любимое кушанье ихъ «каймакъ» готовится слѣдующимъ образомъ: надоенное коровье молоко вечеромъ нагайбачка процѣживаетъ въ деревянныя ведра и оставляетъ въ нихъ до утра. Утромъ парное молоко смѣшиваетъ съ вечернимъ и выливаетъ въ казанъ (котелъ). Какъ только казанъ закипитъ, нагайбачка разливаетъ изъ

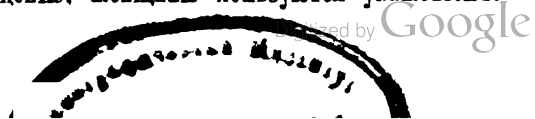
¹⁾ До переселенія серги носили также мужчины.

него молоко въ деревянныя ведра и подвѣшиваетъ ихъ гдѣ-нибудь подъ навѣсомъ. Къ слѣдующему утру молоко отстаетъ въ видѣ толстой пѣны— это и есть каймакъ. Сюда же еще можно отнести чухонское масло, перемѣшанное съ фруктами, творогомъ и даже медомъ (замораживается). Въ общемъ нагайбаки любятъ смѣсь жирнаго съ сладкимъ. Пища во время угощенія гостей поражаетъ своимъ обиліемъ и разнообразіемъ, причемъ надлежащаго порядка при подаваніи блюдъ не соблюдается; такъ, напримѣръ, первымъ блюдомъ подается компотъ, а къ концу обѣда жирный супъ съ гусатиной, баряниной или что-нибудь въ этомъ родѣ.

Изъ напитковъ болѣе всего употребителенъ квашеный медъ. Пьянство не сильно развито.

Бытъ и занятія. На земледѣліи и скотоводствѣ зиждется все благосостояніе нагайбака. Землю онъ пользуется на казачьихъ правахъ, и на каждомъ изъ нихъ полагается по 30 десятинъ земли. Для посѣва землю не удобряютъ, искусственнаго орошенія не производится: «Богъ не дастъ урожая, такъ ничто не поможетъ», разсуждаетъ нагайбакъ, вслѣдствіе чего нерѣдко гниетъ хлѣбъ отъ засухи, кобылки; ранніе морозы, которые начинаются здѣсь съ 15 августа, также немало способствуютъ этому. Развитію скотоводства много препятствуетъ бичъ Оренбургскаго края — конокрадство, практикуемое киргизами; но несмотря на это, каждый домохозяинъ старается развести какъ можно больше головъ скота; пастбища въ распоряженіи нагайбаковъ великолѣпныя. Огородничество за малымъ исключеніемъ не развито. Войсковое начальство взяло теперь на себя трудъ ввести послѣднее. О садоводствѣ не имѣютъ понятія, да оно и бесполезно при здѣшнемъ суровомъ климатѣ. Звѣроловство ограничивается охотою на волковъ, лисицъ, зайцевъ и корсаковъ: на него смотрятъ скорѣе не какъ на промыселъ, а какъ на забаву. Нагайбаки ведутъ обширное хозяйство, несмотря на то, что военная служба постоянно отвлекаетъ ихъ отъ дома; кромѣ того для нихъ слишкомъ обременительна подводная повинность, т. е. обязанность бесплатно доставлять лошадей для проѣзда военныхъ чиновъ. Обмундировывается казакъ на свой счетъ. Жизнь его исполнена постоянныхъ трудовъ и заботъ, особенно въ лѣтнее рабочее время; онъ вѣчный труженикъ; лѣтомъ отъ зари до зари онъ на работѣ, дорожа не только днемъ, но и часомъ. Сельскохозяйственные продукты сбываются въ ближайшихъ уѣздныхъ городахъ.

Семейныя нравы, обычаи и другія племенные черты. Женщины у нагайбаковъ находились прежде почти въ состояніи рабства, хотя и не въ такой степени, какъ у киргизовъ и татаръ; такъ, напримѣръ, невѣстка должна была надѣвать и снимать обувь всѣмъ домашнимъ. Теперь же, благодаря проникшему въ нимъ просвѣщенію, женщины пользуются уваженіемъ.

Въ полевыхъ работахъ и дома по хозяйству она не уступаетъ мужчинамъ въ силѣ и трудолюбіи. Женившись, братья долго вмѣстѣ не живутъ,—отдѣляются и заводятъ свое хозяйство. Женится нагайбакъ довольно рано, не выходя однакожъ изъ предѣловъ законнаго возраста. Выбираетъ молодой человѣкъ невѣсту самъ, чему родители нисколько не препятствуютъ.

Прежде у нихъ былъ обычай похищенія невѣсты. Дѣвушка нигуда безъ провожатаго выйти не могла, потому что ее выслѣживали и ждали удобнаго случая, чтобы схватить и увести ее. Если родители въ тотъ же моментъ догадывались о случившемся, бросались въ погоню и отнимали дѣвушку. Позже сами дѣвушки убѣгали, условившись предварительно съ женихомъ или сообщали секретно свое намѣреніе родителямъ; но всѣ эти обычаи, дѣтъ съ 50, какъ уже исчезли. Въ настоящее время молодой человѣкъ, полюбивъ дѣвушку, старается прежде всего достигнуть ея взаимности и, въ случаѣ успѣха, заявляетъ своимъ родителямъ о желаніи жениться. Послѣдніе выбираютъ свата или сваху и посылаютъ въ домъ избранной дѣвушки. Придя къ родителямъ дѣвушки, сваха повелительнымъ тономъ восклицаетъ: «посадите меня на подушки, подъ ноги дайте пенець». По этимъ словамъ уже узнаютъ о пѣдлѣ ея визита, и желаніе ея немедленно удовлетворяется. Затѣмъ, сваха начинаетъ перечислять достоинства жениха и при этомъ незамѣтнымъ образомъ распарываетъ подъ собой подушку; это продѣлывается для того, чтобы невѣста скорѣе соглашалась. Отецъ семейства благодаритъ за вниманіе, оказанное его дочери, и на первый разъ отказываетъ свахѣ, ссылаясь на какія-либо обстоятельства, оправдывающія его отказъ. Наконецъ, послѣ долгихъ переговоровъ дѣло улаживается, и отецъ проситъ къ себѣ родителей жениха, чтобы условиться относительно калыма (плата за невѣсту) и подарковъ (съ жениховой стороны). Въ день бракосочетанія, женихъ, въ сопровожденіи своей матери, свахи и шафера, отправляется въ домъ невѣсты. При входѣ въ избу, онъ дальше «матицы» не долженъ проходить. Будущая теща встрѣчаетъ его и усаживаетъ на подушку ¹⁾, причемъ обѣщаетъ подарить овцу или жеребенка; затѣмъ, ставитъ на столъ большую вадку съ масломъ, беретъ оттуда масла и мажетъ ему голову, приговаривая: «будь тавъ же сладокъ и мягокъ для своей жены, какъ сладко и мягко это масло». Ведѣдъ за симъ на столъ подается каша, и родители невѣсты требуютъ калыма, или, иначе говоря, выкупа за невѣсту, и уже по полученіи его вѣдятъ кашу. Женихъ разливаетъ вино, привезенное имъ, и угощаетъ подругъ невѣсты. Послѣ обѣда вся эта веселая компанія, во главѣ съ женихомъ и невѣстой, отправляется съ пѣсянами кататься по поселку. По возвращеніи домой, начинается приго-

¹⁾ Знакъ особой почести.

товленіе невѣсты къ вѣнцу. Родители благословляютъ дочь и ея нареченнаго жениха. Во время совершенія бракосочетанія, новобрачные незамѣтно спускаютъ себѣ подъ ноги по серебрянной монетѣ, желая этимъ обезпечить за собой въ будущемъ супружескую любовь. Изъ церкви молодыхъ встрѣчаютъ на дворѣ съ пивной и хлѣбомъ-солью, при этомъ всѣ присутствующіе на свадьбѣ становятся въ одинъ рядъ. Получивъ отъ родителей благословіе, молодые отвѣдываютъ хлѣба (за все это время новобрачная стоитъ съ покрытой головой). Послѣ этого заранѣе приглашенный мальчикъ подходитъ къ новобрачной и бречитъ передъ ней три раза уздой; новобрачная каждый разъ дотрагивается до узды рукой и даритъ затѣмъ мальчику полотенце; всѣ входятъ въ домъ, молодые проходятъ за перегородку ¹⁾). Провожатая невѣсты призываетъ маленькаго мальчика и, давъ ему въ обѣ руки стрѣлы (охотничьи), беретъ его за руки и открываетъ такимъ образомъ лицо молодухи, закрытое шалью, спрашивая: «такъ ли?» Отвѣтивъ сама же: «не такъ!», она снова закрываетъ лицо новобрачной и, продѣлавъ это до трехъ разъ, говоритъ наконецъ: «такъ?» и окончательно открываетъ лицо молодухи, послѣ чего послѣдняя уже не закрывается. Тутъ же подходятъ поздравлять молодыхъ и дарятъ молодую деньгами. По выполненіи всѣхъ этихъ обрядовъ, начинаютъ пировать. Тѣмъ временемъ виновница торжества, въ сопровожденіи другихъ женщинъ—родственниковъ мужа, отправляется на рѣку, какъ бы узнать, куда ходятъ за водой. Зачерпнувъ воды, она возвращается домой и этой водой, называемой у нагайбаковъ «сытой», поитъ всѣхъ гостей, которые снова дарятъ ей деньги. По окончаніи пира, когда гости собираются расходиться по домамъ, новобрачные, а также сестры и братья молодого нарочно задерживаютъ ихъ; гости же, не желая долѣе оставаться, откупаются деньгами.

Приданое невѣсты привозится черезъ нѣсколько недѣль или даже мѣсяцевъ спустя послѣ вѣчанія, такъ что молодые до этого времени пользуются обстановкой своихъ родителей. Приданое привозится въ Покровъ Пр. Богородицы, въ Троицынъ день или вообще въ большіе праздники; тогда только и начинается торжество, а все вышесказанное еще не есть свадьба.

Въ означенный день, по приглашенію родителей невѣсты, родственники и гости начинаютъ сѣзжаться въ лучшихъ повозкахъ, и затѣмъ весь поѣздъ распредѣляется такъ: впереди ѣдетъ «аргышъ» (вожакъ), за нимъ везутъ постель молодухи и все приданое, вслѣдъ за ними ѣдетъ деверь ея съ женой и т. д. На постель сажаютъ двухъ мальчиковъ. На встрѣчу этому поѣзду въ домѣ свата выходятъ съ хлѣбомъ-солью и пивомъ. Затѣмъ, шаферъ жениха начинаетъ торговать постель у мальчиковъ, сидящихъ на ней; по-

¹⁾ Входя въ домъ, новобрачная вѣшаетъ на гвоздь полотенце, желая обрѣсти здѣсь счастье.

сѣдніе запрашиваютъ нѣсколько тысячъ рублей, торгуются и, наконецъ, послѣ долгихъ переговоровъ соглашаются на нѣсколькихъ копѣйкахъ. Все приданое вносятся въ домъ. За столъ гости садятся по старшинству. Въ это время старшая невѣстка развѣшиваетъ въ комнатѣ полотенеца, занавѣски молодой, при чемъ проситъ дать ей серебряные и мѣдные гвозди и получаетъ деньги. Послѣ этого всѣмъ родственникамъ молодого раздаются подарки. На другой день всѣ бывшіе на свадьбѣ зазываютъ къ себѣ молодыхъ и дарятъ имъ домашнихъ животныхъ. Затѣмъ гости опять приглашаются въ домъ тестя, послѣ чего начинаютъ ходить изъ дома въ домъ по очереди другъ къ другу, и пиръ шумный, веселый, въ казачьемъ духѣ, продолжается еще нѣсколько дней. Нигдѣ, кажется, не уничтожается столько водки, сколько здѣсь на свадьбѣ: у бѣдныхъ отъ 5 до 10 ведеръ, у богатыхъ отъ 10—20 ведеръ.

Дѣтей своихъ, какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ, нагайбаки отдають въ школы, гдѣ преподаются слѣдующіе предметы: Законъ Божій, чтеніе и письмо, ариметика и для мальчиковъ строевая часть. Наряду съ строевымъ образованіемъ они обучаются военнымъ пѣснямъ; имъ также рассказываютъ событія изъ боевой жизни. Учителя изъ мѣстныхъ нагайбаковъ или присылаются изъ татарской учительской или крещено-татарской школы въ Казани. Главный интересъ школы состоитъ въ обученіи дѣтей русскому языку. Съ дѣтьми нагайбаки ласковы, а тѣ, въ свою очередь, уважаютъ своихъ родителей.

На службѣ и въ частной жизни нагайбаки отличаются неподкупной честностью и покорностью властямъ. Они преданы царю, и это вошло въ сознаніе каждаго изъ нихъ. На войнѣ отличаются храбростью, что видно изъ того, что между ними много георгиевскихъ кавалеровъ. Нагайбакъ рѣдко измѣняетъ данному слову. Въ общемъ онъ способенъ, понятливъ, темперамента хотя и горячаго, но отъ природы добръ и уступчивъ; въ основѣ его характера—мягкость, гибкость; онъ не мстительнъ, но постоятъ за свою честь въ случаѣ надобности умѣетъ; въ нагайбакѣ, повидимому, простоватомъ, кроется неукротимая воля и сильная энергія. Отличительная же черта въ характерѣ женщинъ—скромность; большинство изъ нихъ очень застѣнчивы.

По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ молодежь обоего пола предается разнаго рода играмъ и забавамъ; въ вечернее время поетъ пѣсни, водить игры и хороводы. Съ наступленіемъ осеннихъ темныхъ вечеровъ хороводы и игры прекращаются, на смѣну имъ являются «вечерки», куда дѣвушки собираются съ руководѣлими. Сборнымъ мѣстомъ у нихъ бываетъ домъ какой-нибудь бѣдной вдовы или бездѣтной старушки. Сюда являются молодые пары, прошеные и непрошеные, повеселиться.

Дѣвушки на рождественскихъ святкахъ гадаютъ; болѣе всего употре-

бителенъ слѣдующій родъ гаданія: изъ собравшейся молодежи выбираютъ двухъ дѣвицъ, наблюдая при этомъ, чтобы онѣ были младшими въ семьѣ, и чтобы родители ихъ были живы; затѣмъ, отправляютъ ихъ на рѣку за водой. Почерпнувъ воды, онѣ опускаютъ въ ведро мѣдную монету: если она ляжетъ на днѣ орломъ вверхъ, значитъ, урожай хлѣба въ предстоящемъ году будетъ хорошій. Потомъ принесенную воду ставятъ на столъ, и каждая изъ дѣвушекъ, загадывая что-нибудь про себя, опускаетъ въ ведро перстень; затѣмъ, одна изъ дѣвицъ начинаетъ разбалтывать рукой воду и поетъ короткій куплетъ святочной пѣсни ¹⁾; пропѣвъ, она вынимаетъ изъ ведра перстень и отдаетъ обладательницѣ его; послѣдняя, по смыслу пропѣтаго куплета, уже догадывается объ ожидающей ее судьбѣ. Гаданіе это продолжается до полночи.

Масляница — самый разгульный зимній праздникъ, и въ немъ участвуютъ всѣ безъ различія пола и возраста. Молодежь катается по поселку съ пѣснями, причемъ поютъ очень протяжно и ѣздятъ шагомъ. Затѣмъ, они собираются на площадь и сваливаютъ другъ друга на снѣгъ; игра эта продолжается всю масляницу.

Случаевъ, когда нагайбаки устраиваютъ попойки, много, но самые выдающіеся изъ нихъ: свадьбы, крестины, храмовые праздники, проводы казака на службу и весеннія скачки.

Проводы казаковъ - нагайбаковъ на службу сопровождаютъ особыми обрядами. Казакъ, отправляющійся на службу, въ самый день отъѣзда ставитъ передъ иконами свѣчку, затѣмъ беретъ цѣлый коровай хлѣба и, срѣзавъ горбушку, отдаетъ ее семейнымъ, а себѣ отдѣляетъ небольшой ломтикъ и тутъ же съѣдаетъ его; горбушка же должна сохраняться его семейными въ особомъ сундукѣ до возвращенія казака со службы. Съѣвъ ломтикъ хлѣба, казакъ кладетъ передъ иконами три земныхъ поклона, потомъ кланяется въ ноги отцу, матери и другимъ старшимъ членамъ семьи. Всѣ выходятъ во дворъ, затѣмъ казакъ три раза кланяется въ ноги своему коню, боевому товарищу по службѣ; потомъ, перекрестясь, садится на него и при выѣздѣ со двора три раза ударяетъ нагайкой о ворота. На улицѣ онъ слѣзаетъ съ лошади и прощается съ родными и знакомыми, которые тѣсно обступаютъ его съ пожеланіемъ благополучнаго возврата домой. Наконецъ, казакъ беретъ за поводъ лошадь и идетъ съ ней за околицу, и съ нимъ вмѣстѣ и вся остальная толпа. Дѣвушки поютъ ему при этомъ прощальную пѣсню. Приводимъ ее въ переводѣ.

1.

Пришло время вспрыгнуть на коней,
Вотъ виднѣется Гунбейская переправа:

¹⁾ Нѣкоторыя дѣвушки знаютъ около сотни этихъ пѣсень.

Таковы ужь дѣла и обстоятельства моего сына,
Что ему надлежитъ уйти, покинувъ свою родину!..

2.

На вершинѣ Біскайской горы
Лежатъ блистая драгоценныя камни...
Лебеди летятъ, но не достигаютъ того мѣста,
Куда уходятъ, говорятъ, казацкія головы (т. е. казаки).

3.

Луна—наверху, мы—внизу.
Развѣ можно догнать луну?
Ужь не поѣхать-ли намъ вмѣстѣ, вмѣстѣ!
Что мы станемъ дѣлать въ разлукѣ?

Проводы эти имѣютъ видъ довольно торжественный.

Великій праздникъ Пасхи ознаменовывается скачками и джигитовкой. Въ послѣдней участіе принимаютъ не только молодые парни, но и подростки. Джигитовать—значитъ дѣлать всевозможныя эволюціи на лошади: джигитъ становится на перекинутыя крестъ-на-крестъ стремена и скачетъ стоя, скачетъ кверху ногами, держась руками за стремена или за сѣдло или виситъ на одной сторонѣ лошади, стараясь на полномъ карьерѣ поднять съ земли какой-нибудь предметъ. Посадка нагайбака на лошади чрезвычайно красива, какъ и у всѣхъ казаковъ вообще; нагайбакъ ѣздитъ на короткихъ стременахъ; на рыси онъ становится на стремена и такъ низко наклоняется иногда, что голова его почти касается шеи лошади; но когда ѣдетъ шагомъ или галопомъ, составляющимъ обыкновенный аллюръ, онъ держится прямо.

Въ рыцарскимъ упражненіямъ нагайбаковъ можно еще отнести борьбу: при многочисленной толпѣ зрителей двое изъ присутствующихъ выходятъ на середину, снимаютъ верхнюю одежду, затѣмъ обхватываютъ другъ друга, пригибаются къ землѣ то въ ту, то въ другую сторону, стараясь при этомъ повалить противника на землю. Зрители между тѣмъ подзадариваютъ борющихся, выражаютъ одобреніе или осыпаютъ насмѣшками, приходя сами въ то же время въ сильное возбужденіе. Наконецъ, одинъ изъ борющихся, при общемъ хохотѣ окружающихъ, сконфуженный, падаетъ на землю. Поднимается шумъ, восклицанія, слышатся упреки, одобренія и бой оканчивается.

Въ свободное время нагайбаки сидятъ группами на завалинкахъ; женщины всегда съ руководіемъ. Отдѣльно отъ нихъ ведутъ бесѣду сѣдобородые старички и, покуривая коротенькія трубки, вспоминаютъ про былые походы. Въ поселковомъ правленіи часто у казаковъ-нагайбаковъ бывають сходки, гдѣ предсѣдательствуетъ поселковый атаманъ. На сходкѣ атаманъ объявляетъ

распоряженія начальства относительно чьей-либо жалобы или дѣла луговъ или же рѣшаютъ свои частныя дѣла. Въ поселковомъ правленіи и внѣ официальной сходки всегда бываетъ толпа народа: это для нихъ клубъ своего рода; здѣсь ведутся оживленные споры о чемъ-нибудь, долетаютъ сюда и газетныя новости, причемъ къ новостямъ политическимъ выказывается особенный интересъ.

Въ нагайбакахъ сильно развито гостепрѣимство и простирается оно на всѣхъ, кромѣ прожорливыхъ киргизовъ. «Если посадить его за столъ, онъ и салфетки всѣ съѣстъ», говорятъ они про него, и, кажется, не ошибаются. Какъ только въ избу зашелъ «кунакъ» (гость), нагайбачва тотчасъ накрываетъ столъ скатертью и ставитъ на него хлѣбъ съ каймакомъ. Гости за столомъ сидятъ чинно, похваливаютъ поданныя кушанія и много не ѣдятъ. Женщины церемонятся больше всего. Прежде былъ обычай, вставъ изъ-за стола, отдавать хозяевамъ по низкому поклону; теперь обычай этотъ утратился.

Въ нагайбакахъ развито и эстетическое чувство, и они не лишены поэтическаго дара. Любимый изъ музыкальныхъ инструментовъ у нихъ гусли, на которыхъ они играютъ артистически. Характеръ ихъ пѣсенъ большею частью заунывный; въ нихъ слышится тоска по утраченной милой родинѣ, откуда они были переселены. Въ этихъ пѣсняхъ напрасно искать возвышенныхъ мыслей, выраженныхъ въ изящной формѣ. Нагайбакъ плохо знаетъ свой языкъ, которому никогда правильно не обучался. Главную роль въ его стихахъ играетъ рифма, и, сочиняя пѣсню, онъ больше имѣетъ въ виду приготовленную заранее мелодію. Въ пѣсняхъ больше всего воспѣваютъ любовь и природу.

Содержаніе же сказокъ нагайбаковъ наивно-пошлое. Приведемъ одинъ образчикъ изъ ихъ анекдотовъ: «Жили были мужъ да жена. Мужъ занимался ловлею рыбы, а жена ничего не дѣлала и крайне была лѣнива. Мужъ, наловивъ рыбы, приносилъ домой и отдавалъ женѣ чистить; она же, чтобы свалить съ себя эту обязанность, отдавала чистить кошкѣ; та каждый день рыбу съѣдала, а хозяйка терпѣлась въ догадкахъ,—куда дѣвается рыба. Наконецъ, мужъ, выйдя изъ терпѣнія, взялъ пруть и сталъ лупить кошку; послѣдняя бросилась къ хозяйкѣ и начала ей царапать руки.—Отпустимъ ее, говоритъ жена.— А зачѣмъ она съѣдаетъ рыбу, вѣдь я не для нея тружусь—отвѣчаетъ мужъ. И каждый разъ, какъ онъ начинаетъ бить кошку, она испарываетъ руку хозяйки до крови. «Э! подумала она, что же я сама до сихъ поръ не чистила рыбу», и просила мужа не бить кошку. И съ той поры хозяйка уже всегда сама чистила рыбу».

Татарскій языкъ, на которомъ нагайбайки говорятъ, не литературный, а народный, употребляющійся только для выраженія житейскихъ нуждъ. Чужихъ

вліаній на ихъ нарѣчіи не замѣтно. Манера говорить у нагайбаковъ очень живая.

Во время болѣзни нагайбаки обращаются къ фельдшерамъ, хотя и не особенно довѣряютъ имъ. Послѣдніе, обучаясь фельдшерскому искусству, преимущественно проходятъ научно-теоретическій курсъ по книгамъ и безъ практической подготовки назначаются въ станицы. Здѣсь, находясь по нѣсколькѣ лѣтъ въ удаленіи отъ воинскаго врача, они не могутъ приобрести практическихъ познаній на столько, чтобы самостоятельно и съ успѣхомъ продолжать лѣченіе. Естественнымъ слѣдствіемъ такого положенія дѣлъ является недовѣріе со стороны населенія къ раціональной медицинѣ. Эти же причины, въ связи съ природнымъ суевѣріемъ и невысокой степенью умственнаго развитія казачьяго населенія, заставляютъ его для излѣченія своихъ недуговъ обращаться большею частью къ знахарамъ и знахаркамъ, которые съ успѣхомъ отправляютъ своихъ пациентовъ прежде времени къ праотцамъ. Между прочимъ, если болѣзнь, по мнѣнію знахарки, произошла отъ прикосновенія бѣса, то она спрыскиваетъ больного водой, пошептавъ предварительно надъ ней; если отъ покойника—водитъ печь прѣсенны алады, а если болѣзнь причинилъ водяной, то въ рѣку спускаютъ непотку крупы и соли. Но общеупотребительныя средства, какъ то: отвары ромашки, звѣробоя, богородской травы, репейнаго корня, а также нашатырь, сивій купоросъ, мышьякъ, сулема здѣсь въ большомъ употребленіи. Кликушъ, или нервно больныхъ, между нагайбачами положительно никогда не бываетъ; надъ подобными больными изъ русскихъ онъ даже смѣется.

Основаніемъ разныхъ предразсудковъ и суевѣрій въ здѣшнемъ населеніи служить, какъ и вездѣ, главнымъ образомъ невѣжество, а отсюда склонность безсознательно вѣрить всякой небылицѣ, передаваемой изъ рода въ родъ за непреложную истину.

Лѣтъ сто тому назадъ у нагайбаковъ былъ слѣдующій обычай: въ одинъ изъ весеннихъ дней нагайбачка варила кашу, и въ тотъ день въ домѣ должны были царить миръ и спокойствіе; татаръ и русскихъ въ домѣ быть не должно. Затѣмъ, двѣ женщины, надѣвъ чистое бѣлье и положивъ кашу въ двѣ посуды, съ зажженой восковой свѣчой спускались въ подполье и, кланяясь въ поясъ воображаемому домовому, просили его, чтобы онъ молился Богу за нихъ и чтобы самъ онъ отвратилъ отъ нихъ въ этомъ году всѣ бѣды. Сказавъ такую рѣчь, онъ несли кашу обратно и семейные тутъ же ее съѣдали, причемъ молиться Богу послѣ стола въ этомъ случаѣ запрещалось. Затѣмъ въ эту же ночь нагайбачка съ кашей и прѣсными лепешками отправлялась на рѣку и, обращаясь къ рѣкѣ, вела слѣдующую рѣчь: «отецъ водяной и красавица водяная, примите отъ меня даръ сей и оградите домъ мой въ этомъ году отъ опасности!» Съ той же молитвой она обращалась

къ Богу и, поклонившись въ поясъ по направленію къ рѣкѣ, спускала принесенную кашу и лепешки въ воду. При возвращеніи домой, оглядываться нельзя. Все вышесказанное женщинами продѣлывалось съ благоговѣніемъ и тайно отъ другихъ. Точно такъ же нагайбачка входила съ кашей въ конюшню, гдѣ на привязи стояла лошадь, и опускала струю эту въ ясли; затѣмъ, поставивъ передъ блюдомъ свѣчку, низко кланялась и, шепча, къ кому-то обращаясь, молитвы, просила, чтобы скотъ въ этомъ году оставался цѣлъ и невредимъ и чтобы лошади были такъ же крѣпки, какъ сталь; при послѣднихъ словахъ, она гдѣ-нибудь въ углу конюшни зарывала кусочекъ стали и, опять низко кланяясь,—удалалась.

Нагайбаки вѣрятъ въ безсмертіе души, хотя яснаго представленія объ адѣ и раѣ не имѣютъ; впрочемъ, склонны представлять себѣ рай въ видѣ прекраснаго сада, а адъ, какъ огненное море, гдѣ во всевозможныхъ видахъ мучатся грѣшники. Подобному представленію о загробной жизни много споспобствуютъ лубочныя картины, такъ распространенныя у насъ на Руси.

Похороны совершаются по христіанскимъ обрядамъ. Причитать и выть по покойникѣ не принято и даже считается неприличнымъ; вообще въ характерѣ и поступкахъ нагайбака замѣтна большая выдержка. По окончаніи похоронъ, всѣ присутствующіе на нихъ приглашаются на поминки. За столомъ гости размѣщаются, какъ и всегда, по старшинству или по важности занимаемаго положенія въ обществѣ. Прежде всѣхъ блюдъ подаются холодныя блины съ медомъ. Пить водку на поминкахъ считается предосудительнымъ. Вечеромъ, послѣ похоронъ, въ домъ умершаго приглашаются дѣвушки. Онѣ садятся около опустѣвшей постели умершаго и, какъ бы вспоминая его, поютъ заунывныя, плачевныя пѣсни. По праздникамъ, для поминовенія усопшаго на могилу его родственники приносятъ пищу; послѣдній обычай перенять, по всей вѣроятности, отъ русскихъ.

На умственное и религіозное состояніе нагайбаковъ имѣетъ вліяніе не столько жителство близъ русскихъ, сколько школа и церковь. Въ вѣрованіяхъ нагайбаковъ замѣтна смѣсь понятій языческихъ съ христіанскими ¹⁾. Въ перечисленныхъ вначалѣ семи поселкахъ склонности къ магометанству не замѣтно, за исключеніемъ поселка Требій, о которомъ будетъ сказано дальше. Нагайбаки носятъ на груди крестъ, за столъ садятся не молясь, соблюдаютъ воскресныя и праздничныя дни, посѣщаютъ, хотя и не часто, церковь исполняютъ многіе христіанскіе обряды и въ то же время не соблюдаютъ постовъ, установленныхъ св. церковью. Ученіе христіанской вѣры нагайбаки мало понимаютъ и видятъ въ ней лишь одни внѣшніе обряды безъ пониманія ихъ духовнаго

¹⁾ Нагайбаки, проживая въ Баканахъ, имѣли, должно быть, сношенія съ черемисами и чувашами.

смысла. Преданіе нагайбаковъ гласить, что они были крещены насильно, даже при содѣйствіи орудій пытки. Что они были крещены дѣйствительно послѣшно, безъ руководителей, которые постепенно внушали бы имъ истины христіанской религіи—слишкомъ очевидно, а что касается орудій пытки, то это было въ духѣ временъ Іоанна Грознаго. Всякій знаетъ, какъ трудно склонить магометанина къ какой-либо вѣрѣ. Но что болѣе всего могло отталкивать нагайбаковъ отъ христіанства, такъ это не высокій нравственный уровень первыхъ проповѣдниковъ его въ нѣкоторыхъ поселкахъ. Когда эти пастыри церкви были замѣнены впоследствии лучшими, незнаніе русскаго языка (въ особенности женщинами), съ одной стороны, и татарскаго, съ другой—послужило новымъ препятствіемъ къ ихъ сближенію съ обрацаемыми въ христіанство. Индифферентное отношеніе нагайбаковъ къ вопросамъ непонимаемой ими религіи охлаждало первоначальный пылъ священниковъ, и пастыри и новокрещенные были чужды другъ къ другу. И до сихъ поръ нагайбаки рассказываютъ нѣкоторые курьезные случаи изъ того времени. Напр., робкая нагайбачка, идя къ исповѣди, не знала, зачѣмъ ее сюда позвали; затѣмъ, вопросы на ломанномъ татарскомъ языкѣ и наивные отвѣты нагайбачечъ обнаруживали полное непониманіе или значенія исповѣди.

Въ 1880 году нагайбаки впервые услышали, наконецъ, богослуженіе на татарскомъ языкѣ. Радостно встрепенулись они, услышавъ впервые на своемъ родномъ языкѣ содержаніе своей вѣры, обрядамъ которой они до сихъ поръ слѣдовали безсознательно, съ тупою покорностью. Интересъ религіозный между ними возбудился. Они увидали, наконецъ, что обряды и таинства имѣютъ глубокой смыслъ.

Около этого же времени въ школахъ и всюду стали являться въ большомъ количествѣ священныя книги, переведенныя на татарскій языкъ профессоромъ казанской духовной академіи Ильминскимъ. Грамотные изъ нагайбаковъ живо заинтересовались этими книгами, которыя стали переходить изъ рукъ въ руки; распространенію этихъ переводовъ много способствовали, конечно, ученики мѣстныхъ школъ.

Богослуженіе на татарскомъ языкѣ совершило чудо: то, чего не могли достигнуть въ три столѣтія, совершилось въ какія-нибудь 15 лѣтъ. Нагайбаки толпами идутъ въ церковь и прежняя, отображавшаяся скука на ихъ лицахъ во время богослуженія, замѣнилась теперь слезой умиленія.

Священниками теперь состоятъ уроженцы изъ нагайбаковъ и въ мѣстномъ населеніи пользуются большимъ уваженіемъ. Проповѣди въ церквахъ слушаются нагайбавскими христіанами съ напряженнымъ вниманіемъ, и каждый, придя домой, передаетъ смыслъ ея тѣмъ изъ членовъ семьи, которые по какимъ-либо обстоятельствамъ не могли быть въ церкви. Особенно привле-

кательно для нихъ пѣніе церковныхъ пѣсней на родномъ языкѣ. Пѣніе отличается стройностью, выдержанностью и производитъ сильное впечатлѣніе на молящихся.

Но все вышесказанное относится только къ тѣмъ поселкамъ, гдѣ есть церковь, и гдѣ богослуженіе совершается на татарскомъ языкѣ, а въ остальныхъ, гдѣ ничего подобнаго нѣтъ—все остается по прежнему.

Въ настоящее время одинъ только поселокъ Требій открыто отпалъ отъ христіанства: жители его объявили себя магометанами. Исключительную склонность Требійцевъ къ магометанству можно объяснить тѣмъ, что, проживая въ Белебеевскомъ уѣздѣ, они были окружены татарами. Кромѣ того, съ переходомъ въ христіанство они, по всей вѣроятности, были не въ силахъ отречься совершенно отъ прежней религіи, которая такъ овладѣла ихъ умами и воображеніемъ. Церковь въ Требій построена недавно. Священникъ не подготовленъ къ миссіонерскому служенію, а для того, чтобы бороться съ совратившимися, необходимо знать существо магометанской вѣры, убѣдительнаго опроверженія которой онъ, во всякомъ случаѣ, едва ли можетъ представить. Онъ въ ихъ глазахъ не авторитетное лицо¹⁾: «вѣдь самъ не больше нашего знаешь»,—говорятъ ему требійцы. Если священникъ и озабочивается насчетъ утверженія ихъ въ христіанствѣ, то все стараніе его обращается теперь на внѣшность: чтобы ходили въ церковь, совершали требы и т. д., потому что обратить ихъ вниманіе на существенныя стороны религіи онъ хотя и старался, но безуспѣшно: темные казаки подчинились произволу татарскихъ муллъ. Между тѣмъ, поселковый атаманъ угрозами заставляетъ ихъ крестить дѣтей. Это еще болѣе ожесточаетъ совратившихся. На отступленіе этой горсти людей отъ прав. вѣры высшее духовенство смотритъ сквозь пальцы, резошю предоставляя времени ихъ воссоединеніе съ христіанскою церковью.

Калмыковъ нагайбаки не любятъ и, зная ихъ привычку питаться падалью, смотрятъ на нихъ съ отвращеніемъ.

Переселившись на новыя мѣста, нагайбаки, въ особенности женщины, сильно тосковали по прежней—богатой природой—родинѣ: приходя съ ведрами за водой, нагайбачки садились на берегу рѣки и горько плакали. Кругомъ казаковъ воевали киргизы, а угнать чужой табунъ считалось у нихъ особымъ доказательствомъ удалства. Впрочемъ, въ отношеніяхъ нагайбаковъ съ киргизами не замѣтно особенной вражды. Степная жизнь послѣднихъ въ грязныхъ кибиткахъ—крайне непривлекательна для взора нагайбаковъ, и нѣтъ между ними ничего общаго, что могло бы сдрузжить или сблизить ихъ между собой.

¹⁾ Требійскій священникъ—бывшій казакъ ихъ поселка.

Башкиры живут у нихъ большею частью въ работникахъ. На башкиръ нагайбаки смотрятъ съ пренебреженіемъ, почти не считая ихъ за людей.

Къ русскимъ казаки относятся съ уваженіемъ, не считая однако себя ниже ихъ. А первые, въ свою очередь, смотрятъ на нагайбаковъ свысока; послѣднее происходитъ отъ привычки русскаго человѣка не любить все то, что не русское.

До переселенія у нагайбаковъ былъ обычай, по которому дѣвушка по выходѣ замужъ долгое время не могла говорить со свекромъ, свекровью и старшими изъ мужниной родни. Наконецъ, они сами просили ее разговаривать съ ними и, при этомъ, поднося ей монету, спрашивали: «серебро или золото»? Она должна была дать отвѣтъ, и съ этого времени ей уже разрѣшалось говорить съ ними.

Нагайбаки во время званыхъ обѣдовъ предлагаютъ тосты, и каждый, обращаясь къ тому, за чье здоровье онъ хочетъ пить, поетъ ему застольную пѣснь, наблюдая при этомъ, чтобы слова пѣсни подходили къ характеру воспѣваемаго.

Переселяя нагайбаковъ изъ Белебеевскаго уѣзда, правительство предоставило имъ самимъ право выбирать мѣстожителство въ краѣ. Большая половина ихъ образовала выше переименованные семь поселковъ, а остальная часть разсѣялась по русскимъ казачьимъ селеніямъ—ближе къ Оренбургу ¹⁾. Эти послѣдніе, поселившись въ русскихъ поселкахъ, совершенно утратили свои природные обычаи, одежды и пр., но сносаясь съ татарами въ Оренбургѣ, они отчасти, хотя и тайно, предалися магометанству. Такъ какъ въ этихъ поселкахъ русскихъ больше, то и богослуженіе въ церквахъ совершается на славянскомъ языкѣ. Большинство здѣшнихъ нагайбаковъ—христіане только номинально, но старательно скрываютъ это отъ русскихъ. Оващеникамъ мѣстные казаки оказываютъ почтеніе, но если пристальнѣе всмотрѣться въ отношеніе ихъ къ своему іерее, то подъ маской угодливости нельзя не замѣтить въ нихъ холодно-жестокую уступчивость необходимости и совершенное отсутствіе искренности. Они склонны къ магометанству, а сами ровно ничего не понимаютъ въ этой религіи, и не пристали, какъ говорится, ни къ нашимъ, ни къ вашимъ. Изъ обычаевъ, утратившихъ свою самобытность, у здѣшнихъ казаковъ сохранился только одинъ: празднованіе «курбанъ-байрамъ». Въ этотъ день нагайбаки ѣздятъ въ поле и совершаютъ тамъ нѣчто вродѣ жертвоприношенія. Для этого въ поле приглашается татаринъ, который продолжительное время читаетъ молитвы и закалываетъ барана. Затѣмъ, это жертвенное мясо варятъ

¹⁾ Нѣженскомъ, Ильинскомъ, Подгорномъ, Гирьялѣ и Алабайталѣ.

въ котлахъ и съѣдаютъ. Все это дѣлается незамѣтнымъ образомъ отъ русскихъ. Сюда даже приглашается священникъ служить молебень. Татаринъ же колетъ барана, прѣхавъ на мѣсто еще наканунѣ, и, сдѣлавъ свое дѣло, поспѣшно уѣзжаетъ, а потому нѣкоторые гости изъ русскихъ и не подозрѣваютъ всего происшедшаго.

Недавно жители Нѣженскаго поселка подали прошеніе, изъ котораго видно, что они не желаютъ имѣть въ своемъ обществѣ христіанъ, никогда не посѣщающихъ церкви. Нагайбаки всполошились и не пропускаютъ теперь ни одной церковной службы. Но какъ далеки они отъ того чувства, какимъ переполнены сердца ихъ же собратьевъ Остроленцевъ, Ферелампедуазцевъ, Парижанъ и др.! На своихъ отступниковъ нагайбаки смотрятъ съ презрѣніемъ.

Нагайбакъ рѣзко отличается отъ другихъ инородцевъ въ краѣ. Онъ — казакъ, что означаетъ олицетвореніе отваги, мужества, смѣлости, находчивости и безшабашной удали: одно это названіе можетъ достаточно характеризовать его.

М. Черный Островъ.

Е. А. Бектеева.